

Стихотворение
Державина
«Евгению.
Жизнь званская»

Derzhavin's Poem:
"To Evgenii.
Life at Zvanka"

Иоахим Клейн

Лейденский университет,
Лейден, Нидерланды

Joachim Klein

University of Leiden,
Leiden, Netherlands

Резюме

В предлагаемом анализе стихотворения Державина «Евгению. Жизнь званская» делается акцент на трех пунктах: 1. Отношение этого текста к II эподу Горация «*Beatus ille...*». 2. Контрастный фон, который создается в первых строфах: петербургский двор. 3. Контрастный фон, который присутствует имплицитно: традиционное в XVIII в. презрение к деревенской жизни русского дворянства. С точки реформенной политики Петра I она отвергалась как отсталый реликт Древней Руси. В этой перспективе державинское стихотворение представляет собой не только разоблачение безнравственности придворной среды, но и дидактическую попытку привести традиционную жизнь русского помещика в согласие с требованиями Нового времени: Званка должна была служить примером для подражания.

Ключевые слова

Державин, Гораций, поэтическая похвала деревенской жизни, придворная жизнь, традиционное презрение к деревенскому дворянству, дидактика

Цитирование: *Клейн И.* Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь званская» // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 192–203.

Citation: Klein J. (2022) Derzhavin's Poem: "To Evgenii. Life at Zvanka". *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 192–203. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.8

Abstract

This paper approaches Derzhavin's poem *To Evgenii. Life at Zvanka* from three angles: 1. Its relation to Horace's II epode *Beatus ille...* 2. The contrasting backdrop which is established in the first stanzas of the poem: the imperial court of Saint-Petersburg. 3. A further backdrop of this kind, which is implicit in the poem: a contemporary disdain for gentry landowners. In the light of Peter I's reforms, their lifestyle was perceived as a backward relic of medieval Russia. From this point of view, Derzhavin's idealized picture of country life is not only a criticism of court life, but also a didactic attempt to bring the country gentry's way of life into accord with contemporary Russian culture: *Zvanka* was supposed to serve as a model to emulate.

Keywords

Derzhavin, Horace, country house poem, the imperial court of Saint-Petersburg, the rural gentry, didacticism

Державин и Гораций

«Жизнь званская» Державина¹ объемом в 63 сапфических строф представляет собой шедевр пожилого Державина. Это не первое из его стихотворений, которое посвящено похвале деревенской жизни². Ему предшествует в 1798 г. русифицирующее подражание II эподу Горация «*Beatus ille qui procul negotiiis...*»³ — «Блажен, кто, удалясь от дел...»⁴. Лирический субъект латинского оригинала заслуживает особенного внимания: это римский ростовщик Альфий, который, представив прелести деревенской жизни с многими подробностями, снова обращается к своим нечистоплотным делам. В отличие от большинства русских и немецких авторов⁵, Державин в своем варианте II эпода не пропустил этого неожиданного и разочаровывающего поворота, а перенял его, отклоняясь от Горация лишь тем, что превратил римского ростовщика в русского откупщика.

¹ «Похвала сельской жизни» [Державин 1869, 2: 102–104]; см. анализы: [Пумпянский 2000: 122–124; Крон 1995; Мейор 1996; Зыкова 2005: 22–24; Веселова 2006; Смолярова 2011: 259–557].

² О русской традиции этого жанра см.: [Агамалян 1997; Зыкова 2005; Веселова 2006; Randolph 2007: 129–137].

³ См. латинский оригинал в: [Ногаз 1957: 227–230]; см. русский перевод А. Семенова-Тян-Шанского в: [Гораций 1970: 219–221].

⁴ [Державин 1869, 2: 102–104]; в своем «объяснении» этого текста Державин называет его «подражанием» [Idem 1870, 3: 548–549, здесь 548].

⁵ См.: [Busch 1964: 230]; [Lohmeier 1981: 78]. Кроме Державина, есть еще два русских автора XVIII века, которые не отказались от римского ростовщика. Это Н. Н. Поповский [Поэты XVIII века 1972, 1: 122–124] и В. В. Капнист [1973: 197–200].

Иначе обстоит дело с «Жизнью званской». Никакая ирония здесь не омрачает очарование деревенской жизни. Кроме того, стихотворение создает впечатление, что лирическим субъектом выступает здесь не фиктивный, а 'реальный' персонаж: это не кто иной, как сам Державин, вернее, сильно идеализированный образ Державина. Он в своей двойной роли — как званский помещик и как поэт — в строфе 18 уединяется в своем кабинете, этом «святилище Муз», чтобы вести беседу с Горацием и Пиндаром, не только сочиняя торжественные оды и дружеские послания, но также воспевая «сельскую жизнь». В строфе 3 мы находим намек на его пожилой возраст, а в конце стихотворения он отдается печальным размышлениям о смерти и о тленности своей поэтической славы. Последний стих похож на эпитафию: называются два стихотворения, которые заложили фундамент этой славы — «Здесь Бога жил певец, Фелицы».

Следуя за Горацием, Державин-помещик рассказывает подробно, как он проводит день с утра до вечера; это — типичный признак данного жанра (см.: [Зыкова 2005: 11]). Таким образом мы узнаем о приятности деревенской жизни с вкусной едой и продолжительными прогулками. Званский помещик при этом не избегает таких интимных деталей, как любовь вздремнуть после обеда (строфа 29), и говорится: «Когда же мы донских и крымских кубки вин, / И липца, воронка и чернопенна пива / Запустим несколько в румяный лоб хмелин, — / Беседа за сладьми шутива» (строфа 27). Играют на Званке и в карты, но по «грошу в долг и без отдачи» (строфа 17). Этот интимный автобиографизм «Жизни званской» мотивируется формой дружеского послания, ведь стихотворение посвящено «Евгению» (Болховитинову⁶); в русской литературе конца XVII — начала XIX в. и это является признаком данного жанра — жанра похвалы деревенской жизни (см.: [Агамаян 1997: 116]).

Как у Горация, деревенская приятность державинского стихотворения обязана своим полным эффектом контрастному фону, который создается в первых двух строфах. Деревенский житель Горация наслаждается безопасностью вдаль от таких зол, как война, буря в открытом море или надменные вельможи. У Державина, напротив, речь идет не об общем зле человеческой жизни, а о конкретном зле определенной среды — петербургского двора, пышной сцены российской монархии и административного центра империи. Это было то рабочее место, на котором Державин дослужился до поста министра юстиции.

Это служебное поприще завершилось в 1803 г. обидным для Державина образом⁷, что имеет значение для интерпретации его стихо-

⁶ О Болховитинове и его отношении к Державину см. комментарий Грота: [Державин 1869, 2: 411–412].

⁷ См. [Грот 1997: 547].

творения. Дело в том, что в «Жизни званской» выражаются не только положительные чувства счастливого помещика, но также и *ressentiment* бывшего министра, который горько разочаровался в службе, а теперь наслаждается свободой и спокойствием в своем поместье. То, что на самом деле было поражением, переосмысливается как освобождение, которому соответствует во второй строфе метафорика: в «Петрополь» едет человек «с пространства в тесноту, с свободы за затворы». Не случайно стихотворение, написанное Державиным в 1803 г. по поводу своего увольнения с поста министра, имеет заглавие «Свобода» [Державин 1869, 2: 287–288]. Все это напоминает басню о лисице и кислом винограде — сравнение, которое постоянно навязывается в европейской традиции поэтической похвалы деревенской жизни (см.: [Lohmeier 1981: 267–404]).

Жизнь придворная, жизнь деревенская

Этот биографический аспект «Жизни званской» был, правда, доступен только той части публики, которая знала о прошлом Державина. Однако и остальные читатели поняли, что петербургский двор представляет собой мир суеты и карьеризма, где царит жадность к «золоту» и «честям» и где бесчинствуют соблазнительные «сирены» (строфа 1–2). Эти темы были традиционными в европейской культуре Нового времени для критики придворной жизни (см.: [Kiesel 1979]), что, однако, не обязательно уменьшало их достоверность: в автобиографическом контексте эта критика получала новую актуальность.

Деревенская жизнь Державина контрастирует с придворной безнравственностью. В третьей строфе речь идет не только о званском дольстве и здоровье, но и о «согласии с женой», причем имеется в виду вторая жена Державина Дарья Алексеевна. Званская жизнь отличается от придворной жизни также тем, что вместо пышности царит здесь горацанский принцип «золотой середины» — простого благополучия. Во II эподе ему соответствует радостное описание вкусной домашней пищи (ст. 47–60). Этот мотив развивается у Державина в духе русского патриотизма. В имплицитном контрасте с придворной жизнью не принято на Званке подражать французским нравам⁸. Державин-помещик любит русскую пищу: щи, пироги, раков, икру, щуку, русские напитки (причем слово ‘русские’ имеет не этническое, а имперское значение: это упомянутые уже «донские и крымские вина», а кроме них еще «липец,

⁸ См. в державинской «Похвале сельской жизни» 1798 года сатирическое изображение французской пищи: «Тогда-то устрицы го-гу, / Всех мушелей заморских грузы, / Лягушки, фрикасе, рагу, / Чем окормляют нас французы, / И уж ничто не вкусно мне» [Державин 1869, 2: 102–104, строфа 14].

воронок и чернопенно пиво» (строфа 24–28)). За здоровье царского дома пьют на Званке не шампанское, а «древ русских сладкий сок», который бьет, «искрами горя», до «подвенечных бревен» (строфа 28).

Деревенский мир Державина представляет собой в высокой мере чувственный мир; жизнерадостность званского помещика является прежде всего чувственной радостью. Одно из поэтических достижений Державина заключается в том, что он открыл эту жизнерадостную чувственность для русских читателей. В восьмой строфе званский помещик прислушивается к деревенским звукам: «Пастушьего вблизи внимаю рога зов, / Вдали тетеревей глухое токованье, / Барашков в воздухе⁹, / В кустах свист соловьев / Рев крав, гром жолн и коней ржанье». В строфе 44 помещик вернулся с прогулки и подходит к своему дому, в окна которого бьет вечернее солнце; слух наслаждается не меньше, чем зрение: «Стекл заревом горит мой храмовидный дом, / На гору желтый всход меж роз осиявая, / Где встречу водомет шумит лучей дождем, / Звучит музыка духовая»¹⁰.

Однако кажется, что самым главным чувством державинского помещика является не слух, а зрение; говоря словами Гете, это — «ein Augenschmuck»: ¹¹ его мир — это мир света и цветов. Вспомним прежде всего его обеденный стол, который он сравнивает с цветочной грядкой: «[...] / Я озреваю стол — и вижу разных блюд / Цветник, поставленный узором: // Багряна ветчина, зелены щи с желтком, / Румяно-желт пи-

⁹ «То есть бекасы, кои кричат как барашки», — так комментирует это место Державин в своих «Объяснениях» [1870, 3: 589].

¹⁰ См. «Объяснение» Державина; как и в других автобиографических текстах, он говорит здесь о себе в третьем лице: «Когда солнце ударяет в стекла, особливо при вечере, то оныя подобно зареву блистают; дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик» [Державин 1870, 3: 591]. О классицистическом стиле «храмовидного» дома и его архитекторе Н. А. Львове см.: [Смолярова 2011, 466–467]. См. в связи с этим и комментарий Грота, который уподобляет дом Державина и его Званку сабинскому поместью Горация, частой теме державинской поэзии [Державин 1769, 2: 412]. Грот цитирует в связи с этим небольшое стихотворение, которым Державин посвятил акварель своего дома Болховитинову: «На память твоего, Евгений, посещения, / Усады маленькой изображен здесь вид. / Гораций как бывал Меценом в восхищеньи, / Так был обрадован тобой мурза-пиит» [Ibid.: 411]. Хотя Державин выступает здесь как «мурза-поэт», то есть как автор оды «Фелица», он ассоциирует себя и свою Званку и с Горацием, а своего гостя Болховитинова — с Меценом. При этом он может иметь в виду 29 оду III книги, где Гораций приглашает того же Мецената гостить у себя в сабинском поместье. Иную позицию занимает в связи с этим Т. И. Смолярова. Она считает, что Державин как автор «Жизни званской» ориентировался в первую очередь не на Горация, а на А. Поупа и его знаменитый по всей Европе 'Sabinum' в Твикенхэме [2011: 293–302].

¹¹ См.: [Kölle 1966]. См. также: [Смолярова 2011: 315]: «О повышенном интересе поэта к зрению свидетельствует число и разнообразие глаголов зрительного восприятия, встречающихся в тексте «Жизни званской» (18% всех глаголов, т. е. примерно пятая их часть)».

рог, сыр белый, раки красны, / Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером / Там шука пестрая — прекрасны!» (строфы 24–25).

Отказ от Простаковых и Скотининых

Стихотворение Державина получает свой идеальный характер не только на фоне петербургского двора, но и с учетом той дурной репутации, которой пользовалась деревенская жизнь русского дворянства в XVIII в. С точки зрения петровских реформ эта жизнь была остатком невежества, лени и отсталости Древней Руси (подробнее см. [Клейн 2017: 167–170]).

Мы можем сослаться в связи с этим также на самого Державина, то есть на его оду «Фелица» 1782 г. [Державин 1867, 1: 83–90]. Восхваляемой здесь трудолюбивой и просвещенной императрице противопоставит в качестве лирического субъекта татарский Мурза, который живет старинной жизнью русского помещика. Его татарский костюм является данью модному в XVIII в. ориентализму, уж не говоря о том, что Державин намекает здесь на восточную «Сказку о царевиче Хлоре», льстя ее автору Екатерине II (еще один пример этой моды находим в «Китайской деревне» в Царскосельском парке).

Державинский Мурза много рассказывает о самом себе; так, например, в десятой строфе, где ориентализм полностью уступает место русским деталям: «Иль, сидя дома, я прокажу, / Играя в дураки с женой; / То с ней на голубятню лажу. / То в жмурки резвимся порой, / То в свайку с нею веселюся, / То ею в голове ищущя; / То в книгах рыться я люблю / Мой ум и сердце просвещаю: / Полкана и Бову читаю, / За Библией, зевая, сплю».

Отсталая жизнь деревенского дворянства является благодарной темой и в русской литературе XIX в., прежде всего в «Старосветских помещиках» Гоголя и в главе «Сон Обломова» в романе Гончарова. Подобно Державину, Гоголь и Гончаров изображают деревенскую жизнь с добродушным юмором. Не так у Фонвизина в его комедиях: здесь мы сталкиваемся с резкой сатирой. В его комедии «Недоросль» 1781 г. [Фонвизин 1959, 1: 105–177] отрицательные герои имеют говорящие имена «Простаков» и «Скотинин», причем последнее имя соответствует тому, как эти помещики обращаются со своими крепостными.

Тем ярче вырисовывается, с другой стороны, гуманность державинского помещика, который любит своих крестьян и заботится об их благополучии. Для них он содержит госпиталь, врач которого докладывает ему о пациентах и выпрашивает у него пищи для них (строфа 14). Званский помещик также любит по утрам окружать себя крестьянскими детьми, которым он дарит баранки и крендели, чтобы в нем

«не зрели буки» (строфа 22). В строфе 45 он благожелательно смотрит и на крестьянский праздник: «[...] / Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет, / Поет и пляшет под гудками».

Званская жизнь противопоставлена дурной традиции русской деревни и тем, что в ней не царит ни праздность, ни отсталость: на Званке можно найти древесную мельницу (строфа 33), кузницу (строфа 35), «красильну, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными красками, собирая оныя с царицы полей, т. е. Флоры»¹², и даже механическую прядильню (строфа 34). Державин намекает здесь на вдовствующую императрицу Марию Федоровну, которая заказала такую же машину из Англии: на ней «один человек более нежели на ста веретенах может прясть»¹³. Не отстал от технического прогресса и сам помещик, что видно по его интересу к такой оптической новинке, как камера-обскура (строфа 32)¹⁴.

Державинский помещик отличается от Простаковых и Скотининых также своими литературными занятиями по следам Пиндара и Горация. Кроме того, на Званке «тешатся» и такими «столичными» занятиями, как «музыка, пляска» и «пение» (строфа 46). В следующей — 47 — строфе идет речь об «амурчиках» и «харитах»; упоминаются музы Талия и Терпсихора.

Другое отличие от скотининской жизни касается религии. Званский помещик не только образован, но и благочестив; мы в тексте стихотворения часто сталкиваемся с религиозными мотивами (строфы 4, 20, 21, 53, 54). Вот каким образом помещик начинает свой день: «Возстав от сна, взвожу на небо скромный взор: / Мой утренюет дух Правителю вселенной; / Благодарю, что вновь чудес, красот позор / Открыл мне в жизни толь блаженной» (строфа 4).

Званский помещик — не только благочестив, но и патриот, как мы уже видели по его описанию обеденного стола. Этот патриотизм носит более серьезный характер, когда он волнуется о судьбе отечества. Тогда он смотрит, другими словами, не только на свою спокойную Званку, а также на европейские театры антинаполеоновской войны: в 1807 г., когда Державин писал свое стихотворение, Россия воевала вместе с Пруссией против Франции; за два года до того она потерпела вместе с союзной Австрией катастрофическое поражение в битве под Аустерлицем.

¹² См.: [Державин 1870, 3: 591]. Державинский комментарий относится к исчислению деревенских работ в строфе 35: «Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск, / Все прелести, красы, берутся с поль царицы; [...]».

¹³ См. «объяснение» в: [Державин 1870, 3: 591]; об «индустриальных» мотивах в «Жизни званской», среди которых и прядильня, см. исторический комментарий: [Смолярова 2011: 392–458].

¹⁴ См. подробно об этом [Ibid.: 348–351].

В строфе 51 званский помещик печально вспоминает прошлую военную славу России при Екатерине II и Павле I и думает с тревогой о будущем. Однако в строфе 55 он черпает надежду в двух успехах российского оружия (сражение 14 декабря 1806 г. под польским городом Пултуском и сражение 26 декабря того же года под немецким городом Прейсиш-Эйлау)¹⁵. Званские крестьяне разделяют патриотизм своего барина: ««За Веру, за Царя, мы», говорят, «помрем, / Чем у Французов быть в подданстве!»» (строфа 36). И в упомянутой уже кузнице «сталь жесткая» превращается сначала «в мягкий, алый воск» а потом «в бердыши» для милиции [Ibid.], которая, как объясняет Державин, была создана по инициативе Александра I «для защищения границ империи от французов» [Державин 1870: 591].

Полезное наставление

Будучи поэтом XVIII века и «русским Горацием» (см.: [Грот 1997: 566, 584, 585, 587]), Державин хотел не только развлечь своих читателей, но также быть им полезным. С этой целью он как автор «Жизни званской» не ограничивается тем, что разоблачает безнравственность петербургского двора и подчеркивает превосходство своего поместья по отношению к традиционной жизни деревенских дворян. Он преследует и положительную — дидактическую — цель. Это становится ясным, если привлечь в качестве добавочного источника его автобиографию — «Записки», а именно его рассказ о своей службе в качестве тамбовского губернатора в 1785–1788 гг.

Державин тогда усиленно пытался повысить культурный уровень вверенного ему деревенского — и особенно дворянского — населения. Он не только основал народное училище, но также устраивал празднества, которые должны были служить не «к одному увеселению», но и «к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели [...]» [Державин 1876, 6: 401–790, здесь 556]. Той же цели служили концерты, которые имели место в губернаторском доме «по четвергам»; там же организовались и «собрания» и «небольшие балы». Кроме того, Державин проводил в своем доме в дни государственных праздников «театральные представления, из охотников, благородных молодых людей обоего пола составленные» [Ibid.: 557].

¹⁵ Державин говорит в связи с этим о двух «победах», что соответствовало официальной версии. На самом деле эти сражения имели нейтральный или ничейный результат — но в войне с Наполеоном можно было считать успехом и это; см.: [Безотосный 2014: 147–179, 174–193], [Шефов 2002: 463–464, 444–446].

Бросается в глаза в связи с этим сходство Державина с его современником А. Т. Болотовым (1738–1833). Он также был просвещенный дворянин, который в 1762 г. оставил военную службу, чтобы жить в своем поместье (см. о нем: [Newlin 2001]) и в 1789 г. начал работать над своими мемуарами для наставления потомков. Болотов для этого очень обстоятельно описывает на собственном примере, что русский дворянин может жить культурной жизнью и в деревне, причем подчеркивает воспитательную пользу театра и театральной деятельности [Болотов 1993, 3: 282–288]. Болотов, как и Державин, откликнулся этим на всеобщее тогда стремление европеизировать русскую провинцию, причем вопрос о том, как проводить свободное время, имел особенное значение (см.: [Клейн 2017: 171–175]); см. в связи с этим также «Предуведомление» анонимного автора в «Драмматическом словаре» 1787 г. [Драмматический словарь 1880, без пагинации].

Думается, что Державин преследовал подобные цели и как автор «Жизни званской». Другими словами, он хотел показать русскому деревенскому дворянству образец жизни, который соответствовал бы не только культурным, как у Болотова, но и нравственным требованиям Нового времени. Это было своего рода попыткой к модернизации. Это звучит странно, если учесть, что крепостное право воспринималось Державиным — как и подавляющим большинством русского дворянства — как естественный и никак не проблематичный факт русской жизни.

Экскурс: Державин и немецкая поэзия

В своей статье о русской деревенской поэзии Е. П. Зыкова [2005] ориентируется на английскую традицию этого жанра. Так же поступает и Т. И. Смолярова, считая, что такая традиция «не существовала нигде, кроме Англии» [2011: 312]. Однако поэтическая похвала деревенской жизни процветала и в немецких землях (см. основную работу: [Lohmeier 1981]); вполне возможно, что Державин как автор подобных стихотворений следовал именно немецким образцам¹⁶.

Немецкий был его единственным иностранным языком [Грот 1997: 25–26]. Среди заграничных авторов, которым он подражал в молодые годы, он называет целый ряд немцев, среди них Э. Х. фон Клейст (1715–1759) и Г. фон Гагедорн (1707–1754) [Кононко 1972: 81–83, здесь 83]. Оба автора разделяли интерес Державина к Горацию, может быть, даже пробудили его. Они оба выступали с поэтической похвалой деревенской жизни, Гагедорн, например, со стихотворением «Die Landlust»

¹⁶ О связи Державина с немецкой литературой см. прежде всего [Rosendahl 1953].

(«Деревенское удовольствие») [Idyllen 1978: 28–31] и Клейст с «Das Landleben» («Деревенская жизнь», [Ibid.: 34–36]). Последнее стихотворение посвящено знаменитому тогда переводчику Горация К.-В. Рамлеру (1725–1798). Карамзинский путешественник, который навесил Рамлера в его берлинской квартире, называет его «Немецким Горацием» [Карамзин 1984: 44]. Стихотворение Клейста начинается со слегка измененной цитаты первой строки II эпода «Beatus ille...»: «Oh Freund, wie selig ist der Mann zu preisen...» [Ibid., 34–36]. Державин знал Рамлера (см. [Rosendahl 1953: 58–62]); кажется, что он в своем раннем стихотворении «Ручей» 1779 г. пользовался его переводом 13 оды III книги об Бандузийском источнике [Ibid., 58–60].

Библиография

Источники

Болотов 1993

Болотов А. Т., *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самым им для своих потомков*, 1–3, Москва, 1993.

Гораций 1970

Квинт Гораций Флакк, *Оды, эподы, сатиры, послания*, М. Гаспаров, ред. переводов, вступ. ст. и комм., Москва, 1970.

Державин 1768–1878

Державин Г. Р., *Сочинения. С объяснениями и примечаниями Я. К. Грота*, 1–7, 2-е акад. изд., С.-Петербург, 1768–1878.

Драматический словарь 1880

Драматический словарь, 1787, Москва [репр.: С.-Петербург, 1880].

Капнист 1973

Капнист В. В., *Избранные произведения*, Ленинград, 1973.

Карамзин 1984

Карамзин Н. М., *Письма русского путешественника*, Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский, подгот. изд., Ленинград, 1984.

Кононко 1972

Кононко Е. Н., *Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР, Русская литература*, 3, 1972, 74–85.

Фонвизин 1959

Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений*, 1–2, Москва, Ленинград, 1959.

Поэты XVIII века 1972

Поэты XVIII века, 1–2, Г. П. Макогоненко, вступ. ст., И. З. Серман, биограф. справки, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман, сост., Н. Д. Кочеткова, подгот. текста и примеч., Ленинград, 1972.

Horaz 1957

Horaz, *Sämtliche Werke*. Lateinisch und deutsch, 1–2, München, 1957.

Idyllen 1978

Idyllen der Deutschen, H. Schneider, Hrsg., Frankfurt am Main, 1978.

Литература

Агамалян 1997

Агамалян Л. Г., Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии XVIII – 1-й половины XIX века, *Державинские чтения. Сборник научных докладов*, 1, С.-Петербург, 1997, 116–125.

Безотосный 2014

Безотосный В. М., *Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг.*, Москва, 2014.

Веселова 2006

Веселова А. Ю., Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка, *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 206–218.

Грот 1997

Грот Я. К., *Жизнь Державина* [1883], Москва, 1997.

Зыкова 2005

Зыкова Е. П., Поэма/стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX в., *Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века*, Москва, 2003, 3–36.

Клейн 2017

Клейн И., Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века, *XVIII век*, 29, С.-Петербург, 2017, 156–175.

Крон 1995

Крон А.-Л., «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение, Е. Эткинд, С. Ельницкая, ред., *A symposium dedicated to Gavriil Derzhavin 1743–1816 = Гавриил Державин 1743–1816. Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения* (= *Norwich Symposia on Russian Literature and Culture*, 4), Northfield, Vermont, 1995, 268–281

Мейор 1996

Мейор А. Г., Пространство и время: Державин и Пушкин (Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская»), *XVIII век*, 20, С.-Петербург, 1996, 79–86.

Пумпянский 2000

Пумпянский Л. В., К истории русского классицизма [1923–1924], Л. В. Пумпянский, *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*, Москва, 2000, 30–157.

Смолярова 2011

Смолярова Т. И., *Зримая лирика. Державин*, Москва, 2002.

Шефов 2002

Шефов Н., *Битвы России*, Москва, 2002.

Busch 1964

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Kiesel 1979

Kiesel H., «Bei Hof, bei Höll». *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Kölle 1966

Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.

Lohmeier 1981

Lohmeier A.-M., «Beatus ille»: *Studien zum «Lob des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters*, Tübingen, 1981.

Newlin 2001

Newlin Th., *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxiety of the Russian Pastoral. 1738–1833*, Evanston, Illinois, 2001.

Randolph 2007

Randolph J., *The House in the Garden: the Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism*, Ithaka, New York, 2007.

Rosendahl 1953

Rosendahl G., *Deutscher Einfluss auf Gavriil Romanovič Deržavin* (Diss. Phil., Bonn, 1953).

References

Agamalyan L. G., *Izobrazhenie dvorianskoi usad'by v russkoi poezii XVIII – 1-i poloviny XIX veka, Derzhavinskie chteniia. Sbornik nauchnykh dokladov*, 1, St. Petersburg, 1997, 116–125.

Bezotosny V. M., *Rossia v napoleonovskikh voynakh 1805–1815 gg.*, Moscow, 2014.

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Crone A.-L., «Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia» kak metafizicheskoe stikhotvorenii, E. Etkind, S. El-nitsky, eds., *A symposium dedicated to Gavriil Derzhavin 1743–1816* (= Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, 4), Northfield, Vermont, 1995, 268–281

Grot Y. K., *Zhizn' Derzhavina* [1883], Moscow, 1997.

Kiesel H., «Bei Hof, bei Höll». *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= Studien zur deutschen Literatur, 60), Tübingen, 1979.

Klein J., State Service, Sloth and «Sweet leisure» in 18th Century Russian Gentry Culture, *XVIII vek*, 29, St. Petersburg, 2017, 156–175.

Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.

Lohmeier A.-M., «Beatus ille»: *Studien zum «Lob*

des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters, Tübingen, 1981.

Mayor A. G., Prostranstvo i vremia: Derzhavin i Pushkin (Stikhotvorenii Derzhavina «Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia»), *XVIII vek*, 20, St. Petersburg, 1996, 79–86.

Newlin Th., *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxiety of the Russian Pastoral. 1738–1833*, Evanston, Illinois, 2001.

Pumpianskii L. V., K istorii russkogo klassitsizma [1923–1924], L. V. Pumpianskii, *K istorii russkogo klassitsizma*, Moscow, 2000, 30–157.

Randolph J., *The House in the Garden: the Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism*, Ithaka, New York, 2007.

Shefov N., *Bity Rossii*, Moscow, 2002.

Smoljarova T., *Zrimaia lirika. Derzhavin*, Moscow, 2002.

Veselova A. Yu., Usadebnaia zhizn' v stikhakh poetov l'vovsko-derzhavinskogo krughka, *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 206–218.

Zykova E. P., Poema/stikhotvorenii o sel'skoi usad'be v russkoi poezii XVIII – nachala XIX v., *Sel'skaia usad'ba v russkoi poezii XVIII – nachala XIX veka*, Moscow, 2003, 3–36.

Prof. em. **Joachim Klein**

Universiteit Leiden

Nederland / Netherlands

j.h.klein6@mac.com

Received May 7, 2021